

IV

Года три тому назад я рассказывала на столбцах «Новостей» об африканских колдунах; потом – об индийских магах и японских чародействах¹; теперь приходится отдать пальму превосходства в проявлениях такого рода сил – Америке, сумевшей все соединить в себе: и знания, и блага цивилизации, и подавляющую своей реальностью практичность, и всякие чудеса – чертовщину черной магии, медиумические воплощения, внушения и *tutti quanti*². Впрочем, все эти более или менее проблематические явления – повсеместны. Завеса между мирами видимым, житейским, и скрытым, духовным, разредилась, пропуская кое-где то светлые лучи, то клубы темных извержений. Все же нигде не творятся воочию такие волшебные явления, как, например, описываемые свидетелями опытов Килэ (Keely)³. В свое время я говорила и о них⁴, но затем оставила этого филадельфийского мага в покое, убедившись, что из-за его «разрушителей» и «созидателей», из-за его рассыпающихся скал и исчезающих быков многие введены в соблазн и даже обвиняют меня в сочинении сказок⁵. Я устранилась от этого непрактичного чародея, на свое горе «выпустившего черта из бутылки», как говорят в Англии, и не умеющего с ним справиться: ни приложить к делу его многообразных сил, ни поймать его за рога и снова заключить в бутылку. Несмотря на новые подтверждения, новые статьи о Килэ, целые книги о его открытиях и сообщениях, я более не желала рассказывать в России об этом американском чудотворце. Но вот являются в заморских журналах новые песни! Поют они о новых волшебствах и новых американских волшебниках, которых нельзя оставить без внимания, если хочешь говорить о проявлениях сил неизведанных, часто не признаваемых, но, тем не менее, несомненно, вторгающихся в наш легкомысленно-скептический свет, ничего не признающий, но все допускающий.

Теперь дело идет уже не об увеличителе, разрушителе и созидателе в виде карманных часов, не об электрических проявлениях, не о подъемах тяжестей звуком, не о воздухоплавательных теориях Килэ и комп[ании], а о совершенно других чудесах, происходящих не в богатых городах Северной Америки, а в глухих пустынях и дремучих лесах центрального змеевидного перешейка, соединяющего ее два материка.

В мае 1893 г. некто I.E.Howell читал в Лондоне интересные лекции под общим названием: «Мексика в прошлом и настоящем»⁶. Он руководствовался отчасти личными впечатлениями, но больше сообщениями о Центральной Америке д[окто]ра Le Plongeon⁷, который провел в Гондурасе и Юкатане более двадцати лет, посвященных исследованиям замечательных древностей, развалин и особенностей этих стран⁸.

¹ «Заморские чудеса», февр[аль] и март 1891 г. – *Примечание В.П.Желиховской*.

См.: Новости и биржевая газета, 1891, №57, 26 февраля, №63, 4 марта.

² и всякие другие (*um.*).

³ Кили Джон Уоррел (Keely, 1827–1898) – американский изобретатель, открыл возможность практического получения энергии эфира, построил около двух тысяч опытных аппаратов и механизмов, работающих на ней.

⁴ «Чудодейственная сила», декабрь 1889 г. «Что сделал Килэ для науки», декабрь 1890 г. «Новое [великое] открытие[?]', январь 1891 г. – *Примечание В.П.Желиховской*.

См.: Новости и биржевая газета, 1889, №301, 1 ноября, №307, 7 ноября; 1890, №320, 20 ноября, №323, 23 ноября; №342, 11 декабря.

⁵ Ныне вышел целый том о его открытиях; но регулирование открытых им сил по-прежнему остается вне его власти. – *Примечание В.П.Желиховской*.

⁶ См.: Howell E.J. Mexico, Past and Present // Journal of the Society of Arts, 1893, Vol. 41, №2097, January 27.

⁷ Ле-Плонжон Огюст (1826–1908) – франко-британо-американский писатель, археолог-любитель, врач, фотограф, один из пионеров изучения доколумбовых цивилизаций Америки.

⁸ На лекциях д[окто]ра Ле-Плонжон[а] и жены его, разделявшей все его труды и опасности, я присутствовала в 1890 году в Лондоне и в свое время писала о них. – *Примечание В.П.Желиховской*.

Диксон Элис (1851–1910) – жена О.Ле-Плонжона, фотограф, член Теософского общества.

См. отчет о лекции О.Ле-Плонжона и Э.Диксон «Открытие среди руин Юкатана», которая прошла 6 сентября 1890 г.: Lucifer, 1890, т. VII, октябрь.

См. статьи В.П.Желиховской: Древнее племя майя // Московские ведомости, 1890, №268, 28 сентября; Седая древность «Нового Света» // Московские ведомости, 1892, №260, 19 сентября, №268, 27 сентября; №271, 30 сентября, №279, 8 октября; Страна погибшей цивилизации. (Очерки и картины Юкатана) // Природа и люди, 1892, №47–50.

Гоуэлль читал, впрочем, и о вещах, о которых никогда не упоминал Ле-Плонжон: например, о существовании «больших, густонаселенных городов» в джунглях Мексики, о которых путешественники только слышат, но в которые европейцы не могут проникать, – не могут, во всяком случае, «живыми возвратиться оттуда»... Вот буквальные слова лектора:

«Дикие обитатели этих неизведанных местностей (южной Мексики и Юкатана) – гиганты по росту и сложению. Они имеют особые, им одним принадлежащие верования, обычаи, обряды и тайные знания, заставляющие их бояться как чародеев. Им ведомы не известные науке животные и растительные яды и их противоядия; предполагают, что им известны также рудники драгоценных металлов и камней, которых они никогда никому не укажут. Города их людны и богаты, но удалены от всяких сообщений и недоступны белым. Кто бы ни попытался с ними познакомиться, не возвратится назад, чтобы рассказать о них»...

В подтверждение своих показаний лектор указывает на действительно очень странный факт: в военное время мексиканское правительство не раз получало существенную помощь от дикарей трущоб Центральной Америки, требовавших взамен своего содействия одного – «чтобы за ними не следили, когда они возвращаются в свои места».

Это требование власти свято исполняли, находя выгодным не касаться воинственных дикарей, приносивших свою помощь безвозмездно, не трогавших европейцев в мирное время и, вероятно, не представивших бы никакой выгоды завоевателям своих неприступных бредей⁹. Вряд ли бы, однако, продлилась независимость туземного населения, если бы оно жило не в шалашах, раскинутых по диким лесам, а в «богатых больших городах», как рассказывает Гоуэлль.

В древности там были величайшие и богатейшие города – это верно. Величественные развалины их и теперь существуют, удивляя своей величиной, изяществом скульптуры, а в особенности смыслом начертанных на них сказаний. Они явно избочивают и формой своих иероглифов, и самим содержанием, что отсюда – от обитавшего здесь когда-то могущественного племени майя, уцелевшего осколка Атлантиды, – взяты египтянами все их верования и мифы¹⁰. Но развалины эти так плотно заросли лесами вековых лиан, закрывших их своей густой, непроницаемой сеткой крепких стволов, запутанных побегов и зелени, что их открыть очень трудно!.. Только счастливая случайность может привести на место развалин, иначе пришлось бы на «авось» рубить сотни миль тысячелетнего тропического леса, рискуя не набрести ни на что, достойное внимания. Можно пройти, бесплодно ведя дорогостоящие порубки, как раз между двумя чудами Центральной Америки: между городами древних великанов и позднейших жителей этих лесов – пигмеев. Да! Рядом с титаническими развалинами Уксмаля¹¹ и Чичен-Ицы, признанными двумя столицами майев, в джунглях Юкатана и по островам западного побережья ютятся крохотные, хотя и капитальные, постройки карлов. Их нельзя не назвать капитальными, эти трехаршинные храмы¹², сложенные из настоящих, прекрасно отесанных каменных плит... Они простояли века, заросли лианами и папоротником с тех пор, как выродились лилипуты, в них жившие, и все еще стоят, поражая удивлением редких любопытных, которым удастся их видеть¹³. Что касается надписей в храмах великанов майакса, то д[окто]р Ле-Плонжон очень легко подобрал к ним ключ, зная азбуку египетских иероглифов Шампольона¹⁴: они почти тождественны...

⁹ В смысле – лесов.

¹⁰ Ле-Плонжон описывает всю историю Озириса и Изиды, прочитанную им на памятниках Юкатана, историю потопа великого материка с 80-ю миллионами жителей (атлантиды) и множество других сказаний. – *Примечание В.П.Желиховской.*

Озирис и Изида – боги Древнего Египта.

¹¹ Ушмаля (*исп.* Uxmal).

¹² 2,1 м.

¹³ «Here and there in Yucatan». Ву А. Le-Plongen <<В некоторых местах на Юкатане> О. Ле-Плонжона>. Автор этой книги говорит, что по свидетельству туземцев последние юкатанские пигмеи вымерли лишь в начале нашего века. – *Примечание В.П.Желиховской.*

¹⁴ Шампольон Жан-Франсуа (1790–1832) – французский востоковед, основатель египтологии, благодаря проведенной им расшифровке текста Розеттского камня 14 сентября 1822 г. стало возможным чтение египетских иероглифов.

«Изучение цивилизации майяев (по надписям на стенах и по немногим уцелевшим рукописям, почти без остатка сожженных испанцами), – говорит Ле-Плонжон¹⁵, – привело меня к убеждению, что они были истинными творцами большей части мифов, дошедших до нас, европейцев, чрез священные книги индусов, халдеев, евреев и египтян».

Испанские монахи, пришедшие с Кортесом¹⁶, уничтожили не только все рукописи, но все старые памятники, статуи – все, что, по их мнению, связано было с «дьяволом», то есть с идолопоклонством аборигенов. Из книг их спасены были всего четыре, хранящиеся ныне в музеях Мадрида, Парижа и Лондона. Но их сожгли «целые груды» – по свидетельству современников. Вот отрывок из письма д[окто]ра Ле-Плонжон[а] к Гоуэллю:

«Что майи были высокоразвиты и последовательно излагали историю своей земли и нации на папирусах, на пергаменте и на камне; что они распространяли свои знания, науки, искусства, верования, язык и предания по всему свету; что они были великие путешественники, [море]плователи, торговцы, колонизаторы и цивилизаторы; что самые правильные сношения со всем миром в глубочайшей древности поддерживались их представителями и колонистами – это доказывают многие слова их языка, имеющие то же значение в Индии, в Египте, в Халдее и в Греции; что древнеегипетские письмена и манера записывания фактов на памятниках у обоих народов одинаковы; что действительность существования громадного материка и гибели его в волнах Атлантического океана и многое другое можно прочесть на памятниках майакса – все это я свидетельствую и утверждаю после многолетних трудов моих и изысканий в Центральной Америке».

Существование там в настоящее время блистательных городов Ле-Плонжон не подтверждает, но говорит, что в недостижимых тущобах между Новой Мексикой и Новой Гренадой сохранились еще храбрые гордые, независимые племена, вероятно, потомки майяев, последних отпрысков исполинских жителей Атлантиды. Они тщательно удаляются от европейцев и ревниво оберегают свой язык, свои верования и народность. Вероятно, от них и шла та военная помощь, которой пользовалось мексиканское правительство.

Некто Франк Кушинг¹⁷, смелый юноша из Вашингтона, сдружился на охоте с одним из главных вождей племени зунис и прожил среди этого племени несколько лет. Если верить его показаниям, то они владеют изумительными силами и знаниями тайн природы; а их высшая каста первосвященников делится на двенадцать чинов и во многом, – начиная с тяжких искусов неопитов, – похожа в своих уставах и в обрядах на таинственные церемониалы вступления в масонское братство и другие ложи мистических обществ.

Такой факт среди краснокожих диких индейцев совсем уж удивителен!

Статей Фр. Кушинга у меня под рукою нет, – только рецензии на них; но есть зато несколько других описаний чудес, якобы виденных различными путешественниками по этим малоизвестным местам. Хотя они и держались более или менее населенных местностей, но насмотрелись достаточно удивительных вещей. Рассказы эти относятся к разным временам, принадлежат людям разных обществ, а потому их однохарактерные свидетельства об одной и той же местности, сравнительно очень небольшой, – тем красноречивее доказывают, что они говорят правду, так как нет дыма без огня, а дымов без огней – еще менее.

Некто м-р Уэкен рассказывает¹⁸, что ему пришлось в начале [18]90-го года прожить шесть недель на мысе Грациас¹⁹ (Центральная Америка) у реки Сеговии в большом селении краснокожих и негров; он предполагает, что последние из Африки, своего отечества, занесли сюда множество суеверных обычаев и обрядов. Во всем местечке было всего двое христиан: миссионер

¹⁵ «Sacred Mysteries among the Mayes and the Quiches 11500 years ago». By A.Le-Plongeon <<Тайные мистерии среди майя и киче 11500 лет тому назад> О.Ле-Плонжона>. – *Примечание В.П.Желиховской.*

См. анонс этой книги в: *The Theosophist*, 1887, т. IX, декабрь.

¹⁶ Кортес Фернандо (1485–1547) – испанский конкистадор, завоевавший Мексику и уничтоживший государственность ацтеков.

¹⁷ Кушинг Фрэнк Гамильтон (1857–1900) – американский археолог, этнограф и защитник прав индейцев.

См. статьи Ф.Г.Кушинга: Высыхание мира (из зунийской «Илиады») // *The Theosophist*, 1886, т. VII, май; Сказка народа зуни о подземном мире // *Lucifer*, 1892, т. X, июль; Зуни // *Lucifer*, 1893, т. XI, февраль.

¹⁸ Извлечено из частного письма. – *Примечание В.П.Желиховской.*

¹⁹ Грасьяс-а-Дьос (*исп.* Gracias a Dios).

и торговец. Последний был веселый, здоровенный человек, весьма легкий на подъем, предприимчивый и смелый. Его знали все не только береговые жители, но и живущие внутри страны менее общительные индейцы. Этот господин, разумеется, англичанин, впрочем, из Соединенных Штатов, а не из Европы, рассказывал Уэкену много удивительных вещей о местных дикарях и, видя, что тот очень ими интересуется, что ему скучно стало пробавляться охотой и рыбной ловлей в ожидании возможности отплыть, предложил экскурсию в горы Конгрегой, где у него было дело с одним из племен, которого представители только что являлись к нему в своих узеньких каноэ с верховьев Сеговии для переговоров.

– Поедемте! – уговаривал он. – Здесь на каждом шагу можно повстречаться с диковинкой. Может быть, вам и посчастливится самому быть свидетелем какого-нибудь колдовства или чуда!

Они оправились в лодке с шестью туземными гребцами и ехали вверх по Сеговии две ночи и два дня. Описывает м-р Уэкен это путешествие очень эффектно, касаясь и денного томительного жара, нагонявшего полусон, и волшебных чар бессонных ночей, проведенных в оберегании палатки от змей и ягуаров, которых там множество, – но останавливаться мы на этом не будем. Путники, наконец, доплыли до устья другой речки, впадающей в Сеговию, свернули в нее и через два часа трудного плавания по узкой стремнине, спертой между высокими скалами, очутились как бы в тихом круглом пруду, окруженном цветущими горами и скалами, с вершин которых шумно сбегали в нескольких местах пенящиеся водопады.

Здесь надо было оставить людей и лодку и идти в горы одним: таково было неременное условие представителей племени, призывавших товарища м-ра Уэкен[а] к себе ради переговоров о будущих торговых сношениях. Они ни за что не хотели, чтобы приморские жители знали, где они живут. Целый день шли путники почти без тропинок, следуя указаниям, данным заранее индейцами, все ожидая, что их встретят, – но никто не являлся... Наступила ночь, далее идти было невозможно! Волей-неволей надо было остановиться и переждать до света опасную бессонную ночь. Теперь приходилось бояться не только пресмыкающихся и зверей, но и людей... Кто мог ручаться за краснокожих?.. Товарищи выбрали высокое, плоское, открытое место на скале, над ручьем, вдали от темневшего леса, рассчитывая, что там легче будет им уберечься от всякого врага, – по крайней мере, от внезапного нападения, и развели большой костер...

– Мы до некоторой степени в безопасности! – говорил неунывающий коммерсант. – Да знаете ли? Я втайне убежден, что нас охраняют...

– Провидение, что ли? – прервал, шутя, Уэкен.

– Нет, не одно провидение, а мои краснокожие друзья. Я по опыту знаю, что это в их обычаях... Они любят, когда им оказывают доверие, и сами охраняют своих посетителей. Уверяю вас, что мы могли бы заснуть спокойно.

– Ну, уж нет! Спите вы, – а я покараулю нас обоих.

Так оно и вышло. Сначала веселый спутник принялся рассказывать товарищу анекдоты; потом они вынули из сумки сэндвичи и фляжку рома, выпили, закусили – и примолкли... Уэкен не заснул; он курил, пристально оглядывая окрестности, но торговец задремал так спокойно, будто у себя дома...

Легонький храп его был скоро прерван решительным прикосновением руки сотоварища.

– Тише, – шепнул ему тот. – Не спугните привидения; но смотрите... Что это может быть, если не волшебное видение?..

И он ему указывал на приближавшуюся легкой, странной походкой фигуру. На горизонте подымался месяц. Свет его ложился по земле колеблющимися полосами. В этом фантастическом освещении к ним двигалась небольшая, стройная, очевидно, женская фигура – так медленно, так плавно, что, казалось, она несется поверх земли, а не идет по ней. На фигуре была какая-то неопределенная, довольно длинная одежда; черные волосы, спутанные тяжелым жгутом, лежали на спине, а в руках была тросточка, которой она, по временам останавливаясь, медленно водила по встречным кустарникам, что-то будто бы из-под них вынимая... Когда она приблизилась, товарищам показалось, что она из них извлекает какие-то кольца или вьющиеся лианы и складывает их в свой передник, который потом оказался кожей черного ягуара... Кто эта женщина?.. Что она делает?

Вопрос этот не успел мелькнуть в уме проснувшегося торговца, как новое диво! Из-за отвесной скалы над ручьем, на которую, казалось, невозможно было ни зверю, ни человеку взобраться, вдруг выросла черная тень, перекинулась на землю и ползком добралась до выхвативших револьверы путников.

– Я ваш друг! – ломаным английским языком прошептала фигура. – Не шевелитесь, прежде чем подойдет закиа... Это закиа, вы знаете?

Они ровно ничего не знали, но успокоились, узнав в этом человеке одного из приезжавших на Грациас индийцев, служившего переводчиком остальным.

– Откуда вы взялись? – удивился Уэкен.

– Оттуда! – показал краснокожий на обрыв и продолжал шепот. – Мы за вами следим с полудня, чтобы вы не заблудились. Видя, что вы остановились здесь ночевать, я остался вас сторожить, а товарища послал в лес за закией... А то бы вас могли побеспокоить змеи. Они к рассвету сползаются сюда, на этот голый утес, погреться на солнышке. Эту скалу так и зовут – «Serpent's Dawn» («Змеиный рассвет»).

Торговец посмотрел на своего товарища, торжествуя.

– Что я вам говорил?.. Эти люди избегают излишних сношений с белыми, но они гостеприимны и добросовестны. Но кто такая эта женщина?

– Кто такая?.. Она – закиа! – наивно повторил индеец. – Она все знает, все может... Она ничего не боится, а ее боятся все гады, все дикие звери, – объяснил он.

И точно. Кто бы ни была приближавшаяся женщина, но она, очевидно, владела волшебными чарами. То, что путешественники принимали издали за вьющиеся лианы, оказались свернутыми в кольцо, неподвижно спавшими змеями...

Они спали или были в трансе, это было очевидно по их неподвижности. Когда очаровательница подошла ближе, они услышали, что она тихо напевает какой-то заунывный, однообразный мотив, и увидали, что не только весь ее подол полон окаменелыми с виду змеями, но что даже ее руки до локтей унизаны этими страшными живыми браслетами.

Закиа остановилась невдалеке. Не глядя определенно ни на кого и ни на что, она, несколько склонив голову, казалось, все обнимала затуманенным взором. Это была совсем молодая девушка, смуглая, но не медно-красная, как ее соплеменники. Тоненькая, маленькая, она казалась совсем ребенком и шла легко, еле касаясь земли. Остановившись то тут, то там, она никогда даром не погружала своей тросточки в зелень – она или постояв неподвижно над кустами, двигалась дальше, не опуская ее, или вынимала ее с болтавшейся на конце добычей... Теперь она окончательно остановилась и начала не спеша, методически складывать своих пленниц одну на другую в кружок, все его уменьшая, так что вскоре образовалась целая пирамида из свернутых змей.

Тогда она выпрямилась и медленно обвела взглядом вокруг себя... Индеец стоял перед ней склонив голову и сложив руки на груди в почтительной позе, ожидая ее взгляда или слова, чтобы поблагодарить ее; но она вдруг отвернулась и быстро двинулась к одинокому кусту, темневшему над обрывом, словно ее туда влекла неотразимая сила. Ни секунды не медля, она опустила в густую листву свою тросточку; вдруг оттуда выросла, взвившись на конце хвоста, огромная черная змея и словно окаменела, разинув пасть, высунув жало и устремив глаза на девушку... Силуэты заклинательницы и огромного гада отчетливо обрисовались на ясном небе, освещенном первым сиянием зари.

Оба англичанина вскочили и схватились за револьверы, но повелительный жест индийца остановил их.

– Ради Бога, не двигайтесь! Закиа неуязвима, если вы ей не помешаете.

Змея, действительно, замерла, не шевелясь. Закиа вытянула руку, тронула ее голову тросточкой; послушное движению магического жезла пресмыкающееся поползло вверх по нему, потом по руке, по плечу... Девушка все пела тише и тише, наконец, смолкла, и с последним звуком ее голоса змея сделала последнее усилие: шипя подняла голову и вонзила жало в ее обнаженную шею. Оба путника в ужасе ахнули и бросились к индианке: они в змее тотчас признали смертоносную тамагассу и были убеждены, что девушке предстоит мучительная смерть. Но девушка, не говоря ни слова, жестом, полным достоинства, отстранила их, прошла к костру и

страхнула гадину, казавшуюся теперь бесчувственной, в огонь... Змея не пошевелилась: она, вероятно, была усыплена и не проснулась более.

Закиа равнодушно сказала несколько слов индийцу, потом, не взглянув даже на иноземцев, смотревших на нее разинув рты, повернулась, склонив голову, и медленно направилась к лесу, ничего не ответив на благодарственную речь индийца.

– Куда она пошла?.. Ведь она умрет! Она ужалена?.. Что она сказала? Нельзя ли ей помочь? – так и набросились товарищи на краснокожего.

Тот успокоил их: «последняя» змея часто жалила закию, но никакого вреда ей не наносила, а только себе причиняла смерть: ее приходилось убивать, так как она не повиновалась закии и ее палочке и сразу не засыпала. Остальные же утром, прекрасно проспавшись, безобидно расползутся по своим местам; они только временно лишены возможности двигаться и жалить.

– Но куда же ушла ваша закиа? – настаивал м-р Уэкен.

– К себе, домой... Она живет в том лесу...

– Там есть деревня? Или ваша стоянка?

– Нет. Там нет никого... Закии не живут в деревнях вместе с другими. Они должны всегда быть одни с зверями в лесах. Вот эта живет уже десять лет в середине леса в развалинах храма.

– Десять лет! Что ж, разве она ребенком там поселилась?.. И что же она ест?.. И как она не боится?

– Закиям бояться нечего. Их никто не тронет... А чем они кормятся, мы не знаем. Может быть, им служат и кормят их дикие звери... Нашей закии уже сорок лет... Такие, как она, до ста лет живут и всегда такие – не стареются.

– Удивительно!.. И много у вас таких колдуний?

При слове «witches» краснокожий лингвист поморщился.

– Не говорите дурных слов, господин! – сказал он. – Ваши колдуны и ведьмы – дурные силы. А наши закии – чистые души, целительницы!.. Они наши благодетельницы и хранят нас от болезней, от опасностей... Молят Великого духа об урожаях, об устранении голода, пожаров, кровопролития. Они добрые, чистые закии, а не колдуньи!

Англичане поспешили успокоить своего проводника и решили продолжать путь, не ожидая солнечного восхода и пробуждения оригинальной пирамиды из змей²⁰.

Что касается проделок колдунов и колдуний, то индийцы Центральной Америки прекрасно знакомы с их деятельностью. Это явствует из многих показаний долго пребывавших там европейцев.

Приведу два рассказа компетентных лиц: д[окто]ра Ле-Плонжон[а] из Юкатана и из книги, вышедшей в 1893 году в Нью-Йорке и наделавшей много шума: «Странные уголки нашего отечества» («Some Strange Corners of our Country») Чарльса Луммис[а]²¹.

«В Белен-дель-Гран-Пара существует среди туземного низшего люда секта “вызывателей духов” – лекарей и лекарок, изумительно успешно практикующих и очень часто вылечивающих больных, от которых присяжные доктора отказываются²², – пишет О.Ле-Плонжон. – Люди эти утверждают, что сами они не знают ничего, но действуют по приказаниям духов огня и глубоких вод... Каждый из этих целителей обуян “многими духами”, но над ними властвует один, старший, которому лекари и больные безусловно повинуются, так как он всегда – дух какого-либо великого эскулапа. Все они утверждают, что принуждены, даже помимо воли своей, работать под страхом великого наказания “старшого”, который их тиранит, если они отказываются лечить, и, напротив, награждает усердных всяческими успехами, в особенности помогая вылечивать тех, кто им дорог. Чем нравственнее человек, тем легче и успешнее его врачевание.

Дело в том, что безнравственным человеком овладевают дурные духи, и тогда беда ему и его пациентам! Он узнается по быстрому вылечиванию больных, у которых тотчас же потом делается рецидив и следует смерть: такого “черного знахаря” все избегают, презирают и боятся. Полиция

²⁰ См. также: Желиховская В.П. Закиа // Природа и люди, 1894, №49, 50.

²¹ Ламмис Чарльз Флетчер (Lummis, 1859–1928) – американский журналист, историк, фотограф, поэт, защитник прав индейцев.

²² «Here and there in Yucatan. Evocation of Spirits». By A.Le-Plongen <«В некоторых местах на Юкатане. Вызывание духов» О.Ле-Плонжона>. – Примечание В.П.Желиховской.

преследует эту секту, но ей покровительствуют все жители городов и сел. Интересна процедура их лечения.

К 9–10 часам вечера больные собираются в какое-нибудь по возможности подземное здание, чтобы неслышно было их заклинаний. Является лекарь и прежде всего фабрикует себе несколько толстых сигар из заранее заготовленного табака, в который примешивает что-то, принесенное с собою. Когда все готово, он запирается в чулане, садится, медленно курит, все громче и громче напевая заунывные напевы, и по временам пьет глоток крепкой водки. Он часто переворачивает сигару огнем в рот и, наглатываясь дымом, окуривает им себе руки и грудь. Когда дым и водка приведут его в бесчувственное состояние, он последним усилием крутит над головой маленькую трещотку или погремушку, – “призывая помощь”, – и падает замертво... Но только на несколько секунд: он скоро подымается и, шатаясь, бледный, дрожащий, подходит к стене (всегда в одном и том же месте), ударяет в нее крепко ладонями и весь, так сказать, к ней примыкает лбом, разбросанными крестом руками – всем неподвижным телом... Тогда из стены раздаются ответные три удара, и лекарь медленно поворачивается лицом к открытым (с минуты, когда прогремела его трещотка) дверям и идет к ожидающим его больным...»

Он преобразился!.. Многие излеченные говорили д[окто]ру Ле-Плонжону, что тут не остается и следа того простолюдина, который только что уходил от них пить, курить: от лица, оживленного, осмысленного, до уверенной, свободной походки, до совершенно изменившегося голоса и манер – все в нем – не его. Лечащиеся в течение долгого времени привыкают вполне к личностям этих «контролей», вселяющихся в тела лекарей-неучей. Они узнают их сразу и уже не обращаются к ним иначе, как называя именем, данным себе этими «контролями». Все здороваются и окружают врача – как бы вновь прибывшее почетное лицо; угощают его разными тонкими яствами и питьями, нарочно для того принесенными. «Доктор» ест и пьет, но в меру, все время разговаривая с больными, расспрашивая их, иногда «консультируясь» с невидимыми существами, которые ему отвечают разными голосами, порою очень грубыми и громкими, будто бы исходящими из какой-либо трубы... Работа идет до рассвета.

«Отдав приказания (записываемые пациентами или их друзьями), прописав лекарства – какие-нибудь травы или пряности, примочки или растирания – почти всегда самые простые средства, – доктор радушно прощается со всеми, говорит им “до свидания”, назначая ночь для следующей консультации, подходит к стене, где снова прилепляется крестом, и вдруг преображается и падает на руки людей, заранее знающих, что будет, а потому приготовившихся его поддержать, чтобы он не ушибся. Пролежав в бесчувствии уже гораздо долее, чем в первый раз, и не сохраняя более ни черты вселявшегося в него настоящего врача, целитель просыпается сам собою и ничего не помнит, что было с ним с момента, как он загремел трещоткой»²³.

²³ См. также: «Вскоре после того, как мы поселились в Гиргауме, произошел случай, который Е.П.Б[лаватская] навсегда запечатлела в своем восхитительном произведении “Из пещер и дебрей Индостана”. Читатель сможет проследить, как полет ее блестящей фантазии изменил до неузнаваемости те простые “голые” факты, которые я излагаю, и из банального происшествия создал потрясающий колоритный роман. Однажды вечером мое внимание привлек звук, подобный монотонному барабанному бою. Продолжаясь в том же духе и дальше, он не сотрясал воздух, но лишь скучно и приглушенно пульсировал в вечернем воздухе. Один из слуг отправился узнать о его происхождении и через какое-то время вернулся, рассказав, что в соседнем доме бьют в тамтамы. Также он сообщил, что “знахарка” собирается стать одержимой “богиней” и отвечать на вопросы личного характера. Соблазн “поучаствовать” в столь странном действе побудил нас посетить это место и разобраться, в чем же там дело. Поэтому Е.П.Б[лаватская] взяла меня за руку, и мы пошли в соседний дом. В грязно оштукатуренной комнате площадью пятнадцать-двадцать квадратных футов мы увидели тридцать-сорок индусов из низшей касты, стоящих вдоль стен. На них были прикреплены лампы с кокосовым маслом, а в центре помещения на корточках сидела дикого вида женщина с распущенными волосами. Ее тело раскачивалось из стороны в сторону, а дергавшаяся голова, так же как и ее черные как смоль длинные локоны, совершала круговые, а иногда горизонтальные движения, подобные ремню кнута. Тут через заднюю дверь вошел юноша, неся широкую круглую тарелку с небольшой каймой, на которой рядом с несколькими щепотками красного порошка и блестящими зелеными листьями тлели кусочки камфоры. Эту тарелку он поднес к лицу Сивиллы, она погрузилась в клубы камфорного дыма и стала с удовольствием его звучно вдыхать. Вскоре она вскочила на ноги, выхватила медную тарелку, начав водить ею направо и налево, и стала снова мотать головой. Затем, быстро перебирая ногами в такт тамтаму, она начала плавно перемещаться по комнате, вглядываясь в лица индусских зрителей, охваченных благоговейным страхом. Продолжая в том же духе в течение какого-то времени, она вдруг бросилась к женщине из толпы, резко направила тарелку на нее и сказала что-то на маратхи, чего, конечно же, мы понять не могли, но что-то, по-видимому, касающееся ее личных дел. Как бы там ни было, эффект

Предположив, что Центральная Америка изобилует чревовещателями и превосходными актерами, можно ли думать, что их такое множество среди самых грубых низших классов, чтобы образовать целую корпорацию – «многочисленную секту духовызывателей», как утверждают люди, прожившие там двадцать лет?

Теперь перейдем из Юкатана в Новую Мексику к индейцам пуэбло и навайо²⁴, где чуть не всю жизнь провел Ч.Ф.Луммис, усердно изучая язык, нравы, обычаи, верования и обряды туземцев. Автор «Странных уголков» Америки нисколько не задается задачей объяснять то, что рассказывает; он подымает занавес и показывает читателям изумительные, подчас невероятные, чисто драматические чудеса, которым был свидетелем, но отнюдь не берет на себя обязанность убеждать или делать свои заключения. Он предоставляет каждому право истолковывать, как и что, искренно заявляя, что за недоверие не сочтет себя вправе претендовать, так как сам бы ни за что не поверил таким рассказам, если бы не был всему этому очевидцем. Он к тому же упорно называет все это фокусами.

Индийские чародеи в Мексике также приписывают свои способности и чудотворство высшим силам, которых называют «Истинными» – без существительного. На «лечение» шаманов²⁵ или вообще на иной какой-либо их сеанс, представление или как угодно назвать эти чудодейные собрания – попасть очень трудно, особенно европейцу или белому американцу, но деньги тут ни причем и помочь не могут. Платы шаманы не берут и строго наказывают изгнанием и вечным презрением корыстолюбца. Влияние их громадно и непрерывно, так как обязанность каждого из этих знахарей – избрать себе ученика, маленького мальчика, которого он понемногу посвящает в тайны своих знаний, воспитывая его в строгости и чистоте. Эти маги ведут строгую жизнь в вечных постах и лишениях; они так утомляют себя голодом, бессонными ночами и вечной «практикой», что почти всегда представляют болезненного вида скелеты, как и факиры в Индии, и очень редко доживают до старости. Корпорация их немногочисленна; они пользуются великим уважением и могли бы быть очень богаты, но положительно презирают все жизненные блага, живя общиной и не имея никакого личного имущества. Для них, как и для всего народа, их знание, дело, сан – священны. Они уверены, что братство их всего ближе к «Истинным», и это убеждение доставляет им великое счастье. Они в действительности первосвященники. Хотя чаще собираются для врачевания недужных, во множестве к ним стекающихся; но вместе с тем они совершают и духовные обряды; возносят благодарения и моления «Истинным», особенно торжественно празднуя день Нового года; тут же они предсказывают желающим знать, что с ними случится в течение наступившего года и отгоняют от них злых духов священными перьями. Перья, как будет далее видно, играют большую роль в упражнениях этих чародеев. Будущее они наблюдают в чаше со священной водой... Они видят «в ней» все, что творится во всем мире в настоящую минуту; а посредством некоторых обрядов и молитв над водой они могут видеть и прошедшее, и грядущее. Ужасную сцену рассказывает Луммис об одной колдунье, уличенной шаманом в злых чарах. Увидав ее колдовство в воде, он тотчас громко изобличил ее злодеяния и послал стражей ее разыскать. Несчастную старуху притащили в собрание всю избитую и тут же с нею покончили, перебрасывая ее то за руку, то за ногу от одного угла в другой...

был сразу замечен, поскольку женщина, будто в страхе, отступила назад, простерла руки к танцующей пророчице и казалась глубоко взволнованной. То же самое повторилось и с другими зрителями, после чего пророчица, кружась, добралась до середины комнаты, какое-то время перемещаясь туда-сюда, пропела что-то похожее на мантры, а затем выбежала из комнаты через заднюю дверь. Через несколько минут она вернулась, с ее распущенных волос стекала вода. Она снова упала на землю и, как прежде, стала мотать головой, опять взяла поднос с горячей камфорой и повторила представление, набрасываясь на людей и рассказывая им то, что они хотели бы знать. Но на этот раз ее голос был другим, а движения менее судорожными. Нам сказали, что это связано с тем, что она вошла под контроль другой богини, когда погрузила голову в сосуд с водой, находящийся наготове за дверью. Вскоре мы пресытились новизной происходящего и вернулись домой. И ничего более, кроме этого. Вот простые факты, поскольку больше ничего не случилось. Но теперь, если читатель обратится к произведению «Из пещер и дебрей Индостана» («Логово ведьмы»), то он увидит, как Е.П.Б[латовская] их переработала» (*Олкотт Г.* Листы старого дневника. Т. II. Гл. III // http://www.lomonosov.org/article/listy_starogo_dnevnika_tom_2_gl_3_4.htm).

²⁴ навахо (англ. Navajo).

²⁵ И в Америке, как и в Сибири, таких знахарей зовут шаманами. – *Примечание В.П.Желиховской.*

«Иногда колдуний притаскивают за волосы уже мертвыми, залитыми кровью», – рассказывает Луммис, и тут же объясняет, что «эти бедные старушонки, вероятно, манекены, вымазанные кровью заранее. Обман глаза – полный, и все это делается на небольшом пространстве, и надо дивиться искусству и ловкости этих людей»... Заключение это, впрочем, совершенно произвольно и ни на чем не основано. Неужели манекены эти могут быть так искусно сделаны дикарями, что их нельзя отличить от живых людей?

При излечивании больного на глазах у всех вот что творится²⁶.

После предварительных молений «Тем Высшим» (варианты «Истинных»), сопряженных с окуриванием, с отмахиванием дурных духов и иными, весьма интересными церемониями, начинаются целительные танцы. Это для всяких нравственных недугов, как печаль, недовольство судьбою и тому подобные расстройства, которые индийцы пуэбло и навайо считают порчей. Впрочем, и чисто физические недуги врачуются тут не лекарствами, а магическим навлечением. Шаманы лечат не иначе, как танцуя. Вертясь, припрыгивая и помахивая орлиными перьями, каждый из них приближается к своему пациенту, прикладывает конец пера к больному месту и принимается усердно высасывать недуг чрез другой конец пера... «По мере того, как он втягивает болезнь, ствол пера на глазах у всех толстеет, пухнет, разбухает... Что-то ползет внутри его от больного к врачу...» и вдруг переполняет рот его. Тогда ствол пера принимает прежний вид, а врач запускает в свой рот пятерню и торжественно извлекает на свет недуг в виде грязной тряпицы, камня, колючего кактуса или какой-либо подобной неприятности... Больной тотчас же чувствует себя облегченным (ну, еще бы!.. Понятно!). Все рассматривают оригинальную «болезнь» и ахают, радуются, поздравляют исцеленного и прославляют врача-танцора...

Луммис утверждает, что говорит не по слухам, а сам все это видел. Он уверяет также, что сам был свидетелем взращения колоса из положенного на глазах его в землю зерна. Растение пускает росток, растет и развивается наглядно, пока шаман поет свои заклинания. Как только он остановится, – останавливаются и рост, и назревание... Запоет вновь – и вновь растение процветает, зреет, дает плод и затем – вянет.

Но ничего удивительнее двух последних фокусов – tricks, как называет их м-р Луммис, – он не видывал.

Шаманы среди своего деревянного сарая разводят костер, бросаются в пламя, танцуют в нем, набирают пригоршнями горячие угли, набивают ими рот и, щелкая зубами, жуют их и глотают...

Далее в сарае, шалаше или комнате шаманы тушат все огни. Темнота водворяется полная. И вдруг раздается гром... Раскаты все сильнее, все ближе; темноту начинают резать яркие молнии, они вспыхивают, пролетают огненными стрелами с потолка и вонзаются в землю; гром гремит оглушительно, гроза в полном величии, в полном разгаре!.. В собрании, особенно если в нем женщины и дети, что почти всегда бывает, поднимаются крики, визг, суматоха!

В эту минуту один из шаманов отворяет настежь двери – в них видно ясное небо, сияющее звездами, тишина и спокойствие. Тем не менее, все, даже вне стоящие, слышали раскаты грома, треск его и видели в щелках окон и дверей яркий блеск молний...

Тут не может быть и речи о внушении... Ни железных листов для грома, ни каких-либо снарядов для воспроизведения искусственных молний у полуголых американских знахарей нет... Как же объяснить это наваждение?..

Ч.Ф.Луммис никак его не объясняет... Он просто передает факт.

²⁶ Все тексты я извлекаю из отчета о книге Луммиса в журнале «The Theosophist», ноябрь 1893 г. – *Примечание В.П.Желиховской.*

См.: *Экстер.* Американские индейские фокусники // The Theosophist, 1893, т. XV, ноябрь.